DOI: 10.17117/na.2017.01.02.298

Поступила (Received): 14.01.2017

<http://ucom.ru/doc/na.2017.01.02.298.pdf>**Филимонов А.В.****Социальное мифотворчество в дискурсе
идентичности казаков Забайкалья в XX****Filimonov A.V.****Social myth-making in the discourse of identity
of the Cossacks of Transbaikalia in the twentieth**

Статья посвящена анализу процессов трансформации идентичности российских казаков в течение XX в., когда в России был осуществлен переход к бесклассовому обществу с равными правами и обязанностями для его членов. В этот период забайкальское казачество пыталось сохранить себя как целостность, что сопровождалось активным и разнонаправленным мифотворчеством, однако привело к ликвидации идентичности казаков и появлению за рубежом отдельных групп казаков, вынужденных конструировать свою идентичность в условиях западного мира

Ключевые слова: забайкальские казаки, идентичность, социальное мифотворчество, гражданская война, семеновщина, эмиграция

This article analyzes the processes of transformation of identity of the Russian Cossacks during the twentieth century, when Russia was the transition to a classless society with equal rights and duties for its members. During this period, TRANS-Baikal Cossacks tried to keep myself on integrity, which was accompanied by active and multidirectional myth-making, however, led to the elimination of the identity of the Cossacks and the appearance abroad of certain groups of Cossacks, forced to construct their identity in the Western world

Key words: Cossacks, identity, social myth-making, the civil war, emigration

Филимонов Андрей Викторович

Старший преподаватель
Забайкальский государственный университет
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Filimonov Andrey Viktorovich

Senior Lecturer
Transbaikal state university
Chita, Alexandro-Zavodskaya st., 30

Социальные потрясения нач. XX в. показали противоречивость социальной структуры, положения и поведения казачества. Обсуждение этих вопросов и сегодня влияет на разрешение «казачьего вопроса», дискуссия о котором разворачивается на всех уровнях регионального общественного, научного, политического дискурса, где представители казаков, отстаивают права казаков, как народа, нуждающегося в реабилитации, а противная сторона, уверяет в закономерности трагических событий, произошедших с казачеством по причине его несоответствия социально-политическим реалиям XX в. [5]. Проходящий сегодня дискурс подтверждает, что казачество в нач. XX в. не было единой сословной структурой или этнической группой, так как характеризовалось неравными социально-экономическими условиями проживания и расслоением, которое сопровождалось распространением среди них большевизма. Это стало причиной

того, что одни казаки под предводительством генералов Меллер-Закомельского и Реннекампа участвовали в подавлении революционного движения 1905-1907 гг. в г. Чита, а другие, напротив, готовили восстание. Казаки, которые участвовали в подавлении революции, рисовались с одной стороны, как герои, погасившие пожар, зажженный иностранными и доморощенными безумцами, с другой, как душители Читинской республики [8].

Столь же неоднозначным видится участие казаков в событиях Первой мировой и Гражданской войны, которые стали определяющими в последующей судьбе забайкальского казачества. Дело в том, что забайкальские казаки с одной стороны прославили себя как герои Брусиловского прорыва, спасители армянского народа от турецкого геноцида, с другой, как стали известны, как люди, совершавшие преступления во время гражданской войны со своим народом [6]. Причиной этого был раскол в казачестве, в результате которого одни из казаков устанавливали Советскую власть в Забайкалье, другие сопротивлялись этому. Борьбу с большевиками в Забайкалье возглавил есаул Г.М. Семенов, чье имя стало мифом, а судьба определила судьбу всех казаков в Забайкалье.

Образ Г.М. Семенова был неоднозначен. До революции он был известен как участник мировой войны, награжденный георгиевскими крестами. В течение гражданской войны он выступал как враг Советской власти. Большевицкая пропаганда прилагала усилия для формирования представлений, в которых он рисовался как жестокий убийца и изувер. Г.М. Семенов рисовался слабым, но жестоким тираном, который при помощи войск Колчака и японцев захватил власть в Чите, и со своими подручными Тирбахом, Резухиным, Лапшаковым, Левицким, Степановым творил расправу над забайкальцами. Существенной частью мифа о Семенове был его «панмонголизм», заключающийся в попытках создания монгольского государства под контролем Японии [7, с. 31]. После революционная судьба Г.М. Семенова согласно версии большевиков была закономерным продолжением его казачьей карьеры. С 1922 г. он выступал в качестве организатора набегов на советских крестьян, участвовал в деятельности Русского фашистского союза и сотрудничал с японскими спецслужбами. В контексте этой версии ликвидация Семенова представлялась закономерной расплатой за совершенные преступления, но важно было и то, что вместе с его смертью уничтожалась сама идея забайкальского казака, как представителя антисоветских настроений и несуществующего сословия.

В противовес советскому мифу, среди казаков существовал и до сих пор сохраняется миф, прославляющий Г.М. Семенова, как борца против «красного геноцида». Согласно этому мифу, «красный» террор был развернут против казаков сразу после октябрьского переворота, в ответ на что, казаки стали формировать отряды, ставшие основой армии Г.М. Семенова. Сторонники данной версии, стоят на позиции, которая доказывает, что, будучи военачальником, участвующим в военных действиях Г.М. Семенов не мог не проводить репрессии против врагов, однако осуществлял их за конкретные противоправные действия, при этом каждая казнь была обусловлена конкретными обстоятельствами и во всех известных случаях причиной были преступления осужденных. Кроме этого, число казненных казаками Г.М. Семенова в течение гражданской войны

во много раз меньше числа казненных советской властью граждан в течение последующих мирных лет. К значимым достижениям политики Г.М. Семенова после Гражданской войны эта точка зрения относит организацию системы жизнеобеспечения и противостояния Советской власти казаков, проживающих на китайской территории после исхода из России [2]. Это заставило, согласно мифу, стало причиной побудившей большевиков приступить к реализации программы массового геноцида казаков, проживающих в Китае.

Представители белого мифа подчеркивают, что Г.М. Семенов всегда заявлял о себе как враге большевизма, искренними противниками которого были и его соратники, такие как барон Р.Ф. Унгерн, прославивший себя как «Бог войны» и «освободитель Монголии. Эта точка зрения отвергает как миф утверждения о том, что Г.М. Семенов был сепаратистом и пособником оккупационных войск Японии, так как японцы помогали Дальневосточной Республике, но их военные подразделения не имели целей оккупации территорий и напротив, защищали мирное население от грабежей и насилия со стороны красных партизан. Что касается взаимоотношений с японцами и с фашистами Г.М. Семенова как частного лица, то они, по мнению В. Апрелькова и В.И. Василевского, защищающих «белый миф», никогда не переходили за грань общеполитического диалога и никогда не носили характера предательства того государства, гражданином которого Семенов и другие казаки-маньчжурцы, не являлись. Однако, когда в 1945 г. советские войска заняли Северную Маньчжурию, генеральная прокуратура предъявила Г.М. Семенову обвинения, основанные на большевистских мифах и он был казнён. Этой же участи подверглись многие другие казаки, вина которых состояла в том, что они проживали на территории Северного Китая и при этом продолжали считать себя казаками.

С этого времени начался новый период истории забайкальского казачества, которое к этому времени было лишено идеалов и ориентиров, но продолжало рассматриваться советской властью, как исконный враг. В 1945-1966 гг. было проведено перемещение казаков из Трехречья в СССР, где они вместе с иными группами казаков обретали советский опыт, ставший основой современной идентичности забайкальских казаков [1]. К 60-м гг. XX в. в советском Забайкалье не было принято упоминать о казаках. Межпоколенная передача опыта практически прервалась, после чего для многих источниками сведений о казачестве стали литературные и публицистические произведения писателей, такие как «Забайкальцы» и «Даурия», идеализировавшие казачью историю.

В 80-х мало кто предполагал, что казачья идея имеет хоть какой-нибудь потенциал, а движение за возрождение казачества охватит всю страну. Однако к началу 90-х гг. мифологическое сознание, долго таившее в себе миф о казачьем прошлом, после гибели советского строя, выплеснулось из скрывааемых ранее глубин и потребовало возвращения «золотого века казачества», а также и проведения реабилитации казаков как народа. Появились инициативные группы, которые выступали от имени «десяти миллионов граждан бывшего СССР», заявивших о себе как о казаках, активность которых актуализировала проблему возрождения казачества. Она стала значимой для российских властей этого

периода, вынужденных принимать решения о необходимости реабилитации казаков, ванным народам [4].

Таким образом, в течение XX в. Россия осуществляет переход к модернизации и глобальному мировому рынку, что проявляется в стремлении к созданию бессловного общества с равными правами и обязанностями для его членов. Поэтому в течение первой половины столетия забайкальское казачество пыталось сохранить себя как целостность: сословную, а затем этническую, что сопровождалось активным и разнонаправленным мифотворчеством, однако привело к ликвидации идентичности казаков на территории СССР и появлению за рубежом отдельных групп казаков, вынужденных конструировать свою идентичность как элемент «культурного капитала» в условиях западного рынка [3]. Движение за возрождение казачества, сформировавшееся в финале советского периода и в постсоветский период в результате реакции правительства на актуализацию мифа о «золотом веке» казачества, нацеливает современных потомков казаков и членов ЗВКО на поиск новой идентичности казаков условиях глобализации.

Список используемых источников:

1. Башаров И. П. Русские Внутренней Монголии: краткая характеристика группы // Азиатская Россия: миграция, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск, 2010. 366 с.
2. Жуков А.В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: дисс. ... докт. филос. н: 09.00.14. Чита, 2011. 372 с.
3. Забайкальские казаки в Австралии. URL: <http://sergeydolya.livejournal.com/758495.html>
4. Зборовский А. О практике реализации государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. URL: <http://kazak-center.ru/news/obzor/2016-08-05-3163>
5. Киселев А. В. Проблемы возвращения казачества России // Вечорка, 2013. 2 апреля № 14. С. 12
6. Крылов Д. Забайкальское Казачье Войско. Краткий исторический. URL: <http://www.proza.ru/2014/10/04/1651>
7. Курас Л. Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова // Власть, 2010 (08). С 31-34.
8. Полонский И. Читинская республика. 110 лет назад было подавлено Забайкальское восстание. URL: <https://topwar.ru/89608-chitinskaya-respublika-110-let-nazad-bylo-podavleno-zabaykalskoe-vosstanie.html>

© 2017, Филимонов А.В.

Социальное мифотворчество в дискурсе идентичности казаков Забайкалья в XX

© 2017, Filimonov A.V.

Social myth-making in the discourse of identity of the Cossacks of Transbaikalia in the twentieth